

Василий Киреев
Из сборника «Про белого бычка»

Учитель Левин

В мае этого года Алексею Семеновичу Левину исполнилось бы 80 лет. К сожалению, он перестал быть на этом свете 9 лет назад. До тех пор, пока живы люди, помнящие его, язык не повернется сказать: он умер.

Я свои отношения с Алексеем Семеновичем не посмею задним числом возвести в степень дружбы: мы и встречались редко, и семейными горестями и радостями не делились, как это принято между друзьями. Но мы всегда радовались встрече друг с другом. Приедешь, бывало, на районное учительское совещание и смотришь поверх, а точнее — между голов, отыскивая его лицо, и обрадуешься, когда увидишь, и одновременно отметишь про себя, что и он кого-то в толпе искал, а по тому, как он заулыбается навстречу, догадаешься: меня.

Я познакомился с ним на традиционном учительском совещании в августе 1967 года. Мы с ним оказались в президиуме. Все знают, что президиум всевозможных совещаний до недавнего времени был живой "Доской почета". Считалось, что туда избирались лучшие из лучших. Поэтому для людей честолюбивых попасть в президиум было престижно. Алексей Семенович занимал там место по праву: он был к тому времени заслуженным учителем и, по общему признанию, лучшим учителем литературы в районе. Что касается меня, то я оказался там по недоразумению: работал в школе всего два года, и о каких-то успехах говорить еще было рано. Просто в президиум требовалось посадить кого-нибудь из молодых учителей, и выбор пал на меня как на живущего рядом с городом (в Логовом) и потому вряд ли опоздающего к началу совещания.

В президиуме я оказался рядом с невысоким, кругленьким человеком, у которого была характерная слегка запрокинутая кверху посадка головы, лицо его с высоким лбом обрамляли уже наполовину седые волосы, на меня он посмотрел, набычившись из-под очков, — с любопытством и дружелюбно.

Мы сидели в самом заднем ряду. Выступающих слышно было плохо. Да и не все было интересно. Со скуки мы как-то само собой заговорили о литературе, об искусстве. Алексей Семенович держал в руках синенький двухтомник известного тогда поэта Сергея Васильева, ставшего еще более известным после написания поэмы о генерале Карбышеве. Впрочем, сейчас этого поэта мало кто знает. Мы читали тогда его мастерски написанные пародии, содержащие, не в пример более молодым пародистам, бездну человеческого такта по отношению к товарищам по перу. Нам было так интересно, что мы, пожалуй, забыли, где мы находимся. Не знаю, чем я Алексея Семеновича подкупил, но я ушел на перерыв с подаренным мне двухтомником. А после перерыва, опять сидя все там же, я писал до самого конца собрания под диктовку Алексея Семеновича стихи Евгения Евтушенко "Сергею Есенину". Писал на внутренней стороне обложки второго тома С. Васильева. Эти стихи Евтушенко издал только в 1988 году, т.е. через 23 года после написания. Теперь эти стихи кажутся примитивными, созданными на уровне исторических познаний старшеклассника, а тогда удивляли свежестью, смелостью и какой-то новой правдой.

Вот так и стоит у меня в шкафу двухтомник С. Васильева со стихами Евтушенко под обложкой второго тома. А на первом томе – дарственная надпись сразу же полюбившегося мне человека.

Потом было несколько поездок в Новотаволжанскую школу, где работал Алексей Семенович. А поездки были связаны с тем, что наша школа (Логовская восьмилетняя) преобразовалась в среднюю. Нам надо было поучиться уморазуму. Вот меня как преподавателя литературы в старших классах и отправили на учебу к Алексею Семеновичу. В первый же день я оконфузился. Настроенный весьма радикально, я в разговоре с Алексеем Семеновичем высказал неудовольствие в связи с тем, что администрация школы требует от меня подробные поурочные планы. Алексей Семенович вдруг округлил глаза — он умел это делать очень выразительно — как-то сбоку взглянул на меня долгим взглядом и сказал примерно так:

— Милый Василий Андреевич, я работаю более тридцати лет, а планы пишу, да еще по несколько вариантов. Но это не значит, что буду вести урок по составленному плану. Вполне возможно, я поведу его совсем иначе, это уж решится непосредственно и классе, когда увижу детей. Как правило, урок мне удастся. А почему? Да потому, что готовясь к уроку, я все разложил по полочкам, я в материале — как рыба в воде. Мне по ходу урока в план уже и заглядывать не надо. Но план все-таки есть.

Увидев мое смущение, закончил:

— Ну ничего. У Вас есть еще время признать свою ошибку.

Я эту ошибку признал довольно скоро. И пришлось спать по пять часов в сутки, работать допоздна и вставать ни свет ни заря, чтобы все время употребить на написание этих злополучных поурочных планов, а больше всего: на изучение текстов, критической литературы, каких-то сопутствующих вопросов истории литературы и т.д. Это было трудно и увлекательно. И чрезвычайно радостно, когда в глазах детей светился мне навстречу интерес к тому, что я говорил.

Прошло около тридцати лет, а я до сих пор помню уроки Алексея Семеновича, на которых я побывал. Все до деталей, конечно, в памяти не сохранилось, но общее впечатление было: превосходно. Ученики свободно владели текстом, умели использовать его для аргументирования своих мыслей. Были и свои мысли, конечно. Помню, как я, запуганный методичками, вдруг услышал от ученика такое:

— Маяковский в стихотворении "Прозаседавшиеся" говорит, что заседаний так много, что чиновнику "поневоле приходится разрываться: одна половина — здесь, другая — там". Но одна половина, которая с головой, ушла на заседание туда, а чем же будет думать другая половина, оставшаяся здесь?

Я думал, что такой комментарий не пройдет, ибо такое не написано ни в одной методичке, и ждал, что скажет Алексей Семенович. А он рассмеялся вместе с учениками и похвалил: молодец.

Сколько раз я себя ловил на том, что боюсь своих мыслей, что методические разработки сковывали меня. И как трудно я от этого освобождался. А сколько мне пришлось увидеть уроков других учителей, где учитель упорно добивался от учеников только того, что написано и разработке в качестве примерного ответа!

Алексей Семенович этого не боялся. Потому что был широко образован, глубоко знал предмет, который преподавал. Знал не как учитель, а как ученый. Я

бывал у него дома, видел забитые книгами и стоящие во всех комнатах шкафы. Были там и отдельные произведения, и собрание сочинений русских и других авторов. Но значительное место занимали работы критиков, литературоведов, различного типа справочные издания. И в большинстве — закладки. А что касается Пушкина — мне казалось: он собрал все, что только выходило о нем.

Его подготовка позволяла ему разобраться в творчестве совершенно новых авторов, например таких, как Леонид Мартынов. Я помню, какая дискуссия о творчестве этого поэта разгорелась на занятии литературного кружка старшеклассников, и как Левин подводил под рассуждения ребят научную базу, как для них все глубже и глубже раскрывался смысл произведений поэта, а сам поэт становился все более значительным.

Наблюдая Алексея Семеновича, я убеждался в том, насколько был прав мой институтский преподаватель, любимец студентов И.А. Осыков, который еще на первом курсе говорил:

— Помните, вы будущие сельские учителя. Тексты художественных произведений вы найдете в местных библиотеках, а вот книги по литературоведению вряд ли там окажутся. Пользуйтесь тем, что вы сейчас в городе, покупайте критическую литературу. Без постоянного интереса к ней из вас полноценного учителя словесности не выйдет.

Поэтому я тоже приехал на работу с двумя чемоданами в основном литературоведческих книг да полюбившихся мне литературных мемуаров.

Опыт Алексея Семеновича в комплектовании своей учительской библиотеки для меня тоже оказался кстати.

Эпизодически и редко встречаясь, мы почти сразу переходили на обсуждение каких-то новых явлений в литературе, причем наравне с произведениями писателей обсуждались и опубликованные в толстых журналах статьи критиков и литературоведов: В. Лакшина, И. Виноградова, А. Макарова, И. Золотусского и других. Выяснилось, что-то прошло мимо моего внимания, что-то не углядел Алексей Семенович. Мне, молодому учителю, льстило, что Алексей Семенович принимал меня за равного, хотя, признаюсь, его суждения часто были более основательными и глубокими, в чем, естественно, сказывались его возраст и более основательная подготовка, которую он получил в юные, школьные и студенческие годы.

Учитывая наши общие увлечения, нетрудно представить, какую радость доставил мне его второй подарок — том литературоведческих изысканий В. Орлова под названием "Пути и судьбы". Вот он передо мной: белый, с автографами на обложке Катенина, Давыдова, Языкова, Блока и других. С дарственной надписью Алексея Семеновича: "С уважением..." И дата: 18 мая 1977 года. Радость была велика и не становилась меньше от того, что я тоже эту книгу ранее купил. Алексей Семенович купил ее в двух экземплярах и ждал, наверное, человека, достойного этого подарка. Я счастлив, что он выбрал меня.

Кстати, меня огорчает, что сейчас, когда в программу старших классов включены поэты так называемого "серебряного века", учителя не считают нужным взять себе в помощь В. Орлова. Я имею в виду и три очерка о Блоке из подаренной мне книги, а также книгу этого автора "Перепутья" и роман-исследование об А. Блоке "Гамаюн". Конечно, кое-что в этих работах сейчас покажется спорным, но то, что автор поработал над ними добросовестно, — не подлежит сомнению.

Когда сейчас слышу рассуждения о том, что нужно срочно формировать учителя будущего, я говорю: не выдумывайте его, а оглянитесь в прошлое — учитель, какой нам нужен, жил среди нас, да многие из вас его проглядели, и школа, его знания и способности не востребовала до конца. И привожу в пример Алексея Семеновича.

В семидесятые годы, когда вошел в силу Закон о всеобщем среднем образовании и когда в старшие классы собирали всех выпускников 8-летней школы, которые, не дай Бог, оказались неохваченными средним всеобучем, уровень знаний учащихся стал резко падать, а содержание образования упрощаться, опускаться до уровня плохо подготовленного для обучения в средней школе ученика. В то время Алексей Семенович когда-то с грустью сказал:

— Я всегда учеников выпускал, а сейчас как кучу мусора выгребаю за порог.

Он не хотел обидеть детей. Тут говорила обида, что он, способный давать и дававший знания детям на повышенной степени сложности, вынужден гнать педагогический ширпотреб.

Сейчас, когда есть гимназические классы, классы с углубленным изучением отдельных предметов, учителя, подобные Алексею Семеновичу, имеют возможность реализовать себя до конца. Я написал эту фразу и тут же засомневался в том, что сказал. Наравне с раскрепощением школы и учителя, что, безусловно, хорошо, в обществе возникли новые Помехи учительскому делу: падение престижа знаний, нравственное и материальное неблагополучие в семьях, насаждение культа вещей. Все это вместе с ограничением осведомленности учителя о современном состоянии его науки из-за дороговизны источников информации способно свести на нет его усилия реализовать до конца свои способности.

Алексей Семенович был очень цельный человек. Он весь был поглощен своим делом, даже тогда, когда любовно выращивал виноград и розы, когда общался с друзьями и детьми, которые постоянно толклись в его Доме...

Это проявлялось и в нерациональной, на взгляд других, трате денег, его рассеянности.

Люди, вместе с которыми он ездил на экскурсию в Киев, рассказывали: приехав в Киев, бросив вещи в гостинице, он тут же пошел искать дом Булгакова, предварительно не поинтересовавшись, что за гостиница, по какому адресу она находится. В результате только с помощью милиции он смог разыскать своих товарищей. Оказавшись в этом городе, он тут же набросился на книги, покупал их пачками и не считал денег. Женщины вынуждены были отобрать у него деньги и выдавали ему их поденно. Когда же к концу экскурсии они вернули ему то, что осталось, он был искренне удивлен, что у него еще есть, оказывается, деньги, и тут их потратил. Опять на книги.

Не любил Алексей Семенович сидеть в президиумах и руководить. Хотя однажды его занесло на должность завуча. Рожденный для дружеского общения, научных дискуссий на равных, он очень переживал, когда делал замечание подчиненным, когда приходилось кому-то доказывать очевидные истины. Немудрено, что он вскорости от этой должности отказался.

Еще Алексей Семенович не любил начальников. Он их считал непорядочными глупым народом. Мне кажется, что человек, отказывающийся от

черновой работы в пользу предлагаемой начальственной должности, вызывал у Алексея Семеновича нехорошие подозрения. Боюсь, что и я, когда стал зав. горно или перешел в горком КПСС, тоже был им осужден. Хотя это только предположение. И то, может быть, от того, что и самому мне на этих работах было не по себе, ибо я убежден, что самое главное дело делает в жизни тот, кто делает рядовую работу. Алексей Семенович с должности ушел, а мне не удалось: у каждого своя судьба.

Последний раз видел Алексея Семеновича, пожалуй, за год до кончины. Праздновался его день рождения. У него в доме. Были друзья, соседи, бывшие ученики, коллеги. Он сидел за столом и с каким-то новым для меня выражением на лице — выражением детской наивности — переводил глаза с одного человека на другого и кротко улыбался. В лице появилась нездоровая одутловатость.

И вот этот день. Я только что пришел на работу, как раздался телефонный звонок.

Сняв трубку, я почувствовал на другом конце некоторое замешательство, а потом трубка голосом Кириевского С.М., нынешнего директора Новотаволжанской школы, сказала:

— Алексея Семеновича не стало. Помогите подготовить в газету "Красное знамя" некролог.

Я-то знал, что дать некролог непросто, на него надо еще получить разрешение. Было принято, что некролога заслуживают только руководители или очень видные ветераны партии.

А тут и не руководитель, и даже не член партии. Пришлось кое-кому доказывать, что Алексей Семенович был очень уважаемым человеком, что у него заслуг перед людьми поболее, чем у какого-то чиновника, что в конце концов не так уж много у нас «Заслуженных учителей школы» РСФСР".

Вопрос решился только у первого секретаря горкома партии. Решился, правда, сразу.

Никогда и подумать не мог, что именно мне придется писать этот некролог, который через несколько дней появился в газете, с фотографией Алексея Семеновича: его одухотворенное лицо, а к лицу тянется веточка цветущей яблони.

В похоронах я не участвовал: люди, которые обещали заехать за мной, это забыли сделать.

А память об Алексее Семеновиче живет, и я часто о нем вспоминаю, когда вдруг захочется поделиться с кем-то своими соображениями о прочитанном, об увиденном, о напечатанном, И особенно тогда, когда достанешь подаренную им книгу, а там: "С уважением... Левин". Понятным и красивым каллиграфическим почерком.

Май 1996 г.